

ЯРМАРОЧНАЯ ТОРГОВЛЯ В БУКЕЕВСКОЙ ОРДЕ В КОНТЕКСТЕ ТРУДОВОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ РОССИЙСКОГО КУПЕЧЕСТВА (60–70-е годы XIX века)

К.А. Абдрахманов

Аннотация. В статье демонстрируются объективные и субъективные условия трудового быта российских купцов в сфере ярмарочной торговли на азиатском направлении во второй половине XIX века. Объективными факторами, определявшими степень комфорта деловых операций, являются природно-климатические и погодные особенности региона, торгово-транспортная инфраструктура, нормативно-правовая база коммерческой деятельности, а субъективным моментом выступает межличностная коммуникация лиц, причастных к работе ярмарки (торговцев, покупателей, администрации, сторожей). В качестве примера рассматривается ярмарка в Букеевской орде рядом с поселением Ханская ставка. Ярмарочный торг, как и любое социально-экономическое явление, обладал своим «микроклиматом», оказавшись в котором предприниматели были вынуждены адаптироваться к внутреннему порядку, далеко не всегда учитывавшему обыденные потребности человека, его биоритмы и деловой интерес. Исследование завершается выводом о достаточно низком уровне комфорта профессиональной деятельности купечества в сфере степной ярмарочной торговли, что признавали как администрация ярмарки, так и профильные имперские чиновники.

Ключевые слова: ярмарочный двор, торговые лавки, условия трудовой повседневности, Букеевская орда, российское купечество, кочевники, арендная плата.

Для цитирования: Абдрахманов К.А. Ярмарочная торговля в Букеевской орде в контексте трудовой повседневности российского купечества (60–70-е гг. XIX в.) // Преподаватель XXI век. 2024. № 1. Часть 2. С. 353–366. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-1-353-366

353

© Абдрахманов К.А., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

TRADE AT FAIRS IN THE BUKEY HORDE IN THE CONTEXT OF DAILY BUSINESS ACTIVITIES OF RUSSIAN MERCHANTS (60–70s of the 19th Century)

K.A. Abdrakhmanov

Abstract. *The article demonstrates objective and subjective conditions of working life of Russian merchants in the sphere of fair trade in the Asian direction in the second half of the XIX century. The objective factors determining the degree of comfort of business operations are natural-climatic and meteorological features of the region, trade and transportation infrastructure, legal and regulatory framework of commercial activity, and the subjective moment is the interpersonal communication of persons involved in the work of the fair (traders, buyers, administration, Guards). As an example, the fair in the Bukeyev horde near the settlement of Khan's Bet is considered. Fair trade, like any socio-economic phenomenon, had its own "microclimate", in which entrepreneurs were forced to adapt to the internal order, which did not always take into account the ordinary needs of people, their biorhythms and business interests. The study concludes with a conclusion about the rather low level of comfort of professional activity of merchants in the sphere of steppe fair trade, which was recognized both by the administration of the fair and specialized imperial officials.*

Keywords: *fairground, trade shops, daily working conditions, Bukey Horde, Russian merchants, nomads, rent.*

Cite as: Abdrakhmanov K.A. Trade at Fairs in the Bukey Horde in the Context of Daily Business Activities of Russian Merchants (60–70s of the 19th Century). *Prepodavatel XXI vek*. Russian Journal of Education, 2024, No. 1, part 2, pp. 353–366. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-1-353-366

354

Актуальность данной работы обусловлена устойчивым интересом научного сообщества к вопросам повседневной жизни отдельных социально-профессиональных групп. В рамках антропологического и микроисторического подходов учеными ведется изучение проблем различных сфер повседневности членов трудовых коллективов, представителей конфессиональных сообществ и этнических объединений, сотрудников силовых структур, участников творческих корпораций и т. д. Современными исследователями рассматриваются их досуговые предпочтения, гастрономическая культура, семейно-бытовая специфика, профессиональная деятельность, механизмы адаптации в обществе и другие аспекты социальной активности.

Функционировавшие во второй половине XIX – начале XX в. степные ярмарки внесли определенный вклад в процесс интеграции иноэтничного исламского населения азиатских территорий в имперский социум и правовое поле Российской империи, являясь центрами культурного и делового обмена между кочевой скотоводческой и оседлой урбанистической цивилизациями.

Ярмарочная торговля, в том числе и на землях кочевников (казахов, калмыков), являлась одной из основных отраслей коммерции российского купечества XIX в., а потому получила широкое освещение в современной отечественной историографии. Историк из Казахстана Г.А. Алпыспаева обозначила позитивный вклад ярмарок в процесс формирования полноценного внутреннего рынка Акмолинской области во второй полови-

не XIX – начале XX в. Автор отметила, что в этот период «...в области складывается целая сеть ярмарок, а ярмарочная торговля становится заметным фактором хозяйственных связей в регионе» [1, с. 241]. С.С. Белоусов связал планомерное продвижение в XIX в. экономически активных масс населения из России в Букеевскую орду с интересом местной элиты к проектам создания в регионе стационарных поселений и организации в них оседлой торговли, с приобщением к данному виду коммерции коренных жителей: «Безопасные условия торговли, большие прибыли, которые приносила торговля, а также покровительство ей со стороны хана Джангира благоприятствовали притоку во Внутреннюю киргизскую орду всё большего числа торговцев...», — говорится об укреплении деловых связей казахов с российским купечеством [2, с. 638]. Статья К.В. Джумагалиевой освещает особенности организации ярмарочной торговли в Букеевской орде [3]. Рассуждая о проблемах делового взаимодействия кочевников и приезжих торговцев, автор обозначала распространителями девиаций коммерческого характера исключительно российских купцов [там же, с. 48], но упустила из виду, что нечестные подходы при ведении дел практиковало и коренное население Внутренней орды. В коллективной работе российских и казахстанских ученых выделены основные факторы, способствующие появлению ярмарок на территории Степного края во второй половине XIX – начале XX в. [4, с. 1203].

Таким образом, особенности появления и функционирования степных ярмарок XIX в. весьма подробно описаны в научной литературе, тогда как условия реализации трудовых функций субъектами коммерческой деятельности в условиях степного торгадо сих пор остаются вне поля зрения исследователей.

Во второй половине XIX столетия российское купечество активно развивало торговлю с государствами Средней Азии и Казахской степью. Российско-среднеазиатское экономическое сотрудничество осуществлялось путем караванного хода, утратившего свое значение ближе к концу XIX в. из-за открытия железнодорожных маршрутов, связавших ханства с основными торговыми центрами империи. С момента присоединения азиатских ханств к России крупный российский бизнес направлял инвестиции в экономику новых имперских владений, открывая филиалы своих фирм в городах Средней Азии. Купцы возводили хлопкоочистительные заводы, крупные универсальные магазины, комфортабельные гостиницы, дорогие рестораны и прочие заведения общепита. В свою очередь торговый обмен с народом Казахской степи производился в формате ярмарок, на которых российские коммерсанты закупали разнообразный скот и продукты животноводства. Главная ярмарка Внутренней, или Букеевской, орды, расположенная при Ханской ставке (ныне село Хан Ордасы в Казахстане), действовала с 1832 г. [2, с. 638; 5, с. 9] и проводилась два раза в год: весной с 1 по 25 мая и осенью с 5 по 25 сентября [6, л. 1].

Реализация трудовых функций предпринимателей, специализировавшихся на ярмарочной торговле со степью, протекала в определенных условиях объективного характера. Одним из важнейших факторов трудовой повседневности этих купцов являлся природно-климатический. Ярмарки Букеевской орды в силу их географической локализации можно классифицировать как «самые степные» из всех аналогичных торжищ. Прочие степные ярмарки находились в более выгодных природно-климатических зонах. Что касается географической привязки интересующей нас местности, то образованная в 1801 г. Букеевская орда располагалась в междуречье Волги и Урала и административно входила в состав Астраханской губернии [7, с. 6].

О скудном растительном мире Букеевского ханства источник сообщал, что «по почве и растительности Внутренняя орда представляет бедную область, особенно при сравнении ее с другими киргизскими степями» [5, с. 3]. Колоссальный дефицит растительности вблизи Ханской ставки не позволял сформировать кормовую базу для пригоняемого казахами на ярмарку скота. Подобное обстоятельство ставило российских скотопромышленников в крайне тяжелое положение. В астраханской газете «Волга» за 1864 г. указаны всего два варианта решения этой проблемы. Купцы держали животных без корма на протяжении всего времени работы ярмарки либо платили кочевникам за выпас животных вдали от торгового двора, но в этом случае был велик риск нападения на стадо степных хищников или угона скота самими пастухами. «К тому же при ярмарке нет никакого выгона, где бы можно было попасть во время ярмарки (7–8 дней) скот, и поэтому покупатели принуждены бывают или морить голодом, или отдавать киргизам для пастбы на их землях, где она может пропасть», — сообщал о трудностях торговли в степи источник [8]. Ориентируясь на главные критерии продуктивной работы любой степной ярмарки, такие как наличие «...водных источников, равнинных территорий под торговые площади и земли под выпас пригоняемого скота» [9, с. 437], можно понять, что данное место было выбрано без учета ландшафтно-климатической специфики территории.

Существенное неудобство для приезжающих в степь купцов представляло крайне неудачное расположение комплекса ярмарочных строений на песчаной местности. Работа степной ярмарки не предусматривала содержание команды служащих, чьи обязанности включали бы присмотр за пустующими строениями в межсезонье. В силу этого обстоятельства некому было ослабить разрушительное влияние климата на торговую инфраструктуру после закрытия торгового двора, и ярмарочный двор оставался полностью заброшенным на несколько месяцев. Так как перерыв в работе торгового двора в осенне-зимний период составлял более полугода, то этого времени было достаточно, чтобы движение песков привело к полному погребению под их массой всех инфраструктурных объектов. Песок своим весом деформировал и разрушал непрочные деревянные лавки, и, просачиваясь в многочисленные щели ветхих конструкций, заполнял внутреннее пространство рабочего места торговцев. Отправленный в апреле 1866 г. с инспекцией ярмарки при Ханской ставке по поручению оренбургского генерал-губернатора Н.А. Крыжановского коллежский асессор Фустов обратил внимание на это неблагоприятное явление. «Все строения ярмарочного двора занесены сыпучим песком выше крыши и до того ветхи, что пришли уже в совершенную негодность...», — указал в рапорте руководству оренбургский чиновник [6, л. 47 об.–48]. Из-за этого неудобства прибывавшие на ярмарку коммерсанты не могли сразу приступить к деловым операциям, т. к. были вынуждены тратить время на подготовку торговых объектов к ярмарочному сезону, очищая их от песка. В периодике того времени упоминается удручающее состояние ярмарочного двора и трудозатраты купцов на подготовку лавок к сезонной работе: «Все это каждый год заносится песком, и ярмарочный двор вначале ярмарки представляет непривлекательную картину, пока понемногу приехавшие торговцы не начнут мало-помалу открывать свои лавки, и тогда ярмарка начинает понемногу оживляться и выходить из своей песчаной могилы» [8].

Также в районе Ханской ставки крайне остро ощущался недостаток качественной питьевой воды. Ярмарочный двор, расположенный в 3 верстах от Ханской ставки [6, л. 47], не имел стационарных, действовавших на постоянной основе колодцев. Для водоснабжения ярмарки использовались временные источники, которые обустроивали казахи к мо-

менту открытия торгога. Количество одновременно действовавших «копаней», как называли их современники, могло доходить до ста. «Ярмарка расположена на колодцах, которые вырываются киргизами пред началом ярмарки; по окончании же ярмарки все эти колодцы заносятся песком», — сказано о сезонности действия колодцев [8].

Снижал удобство пребывания людей на степной ярмарке тот факт, что вода из этих источников была малопригодной для употребления из-за избыточного содержания соли. Российских купцов в значительной степени огорчало то, что некачественная вода портила вкус так любимого ими чая. «Вода в этих колодцах решительно во всех соленая, так что по приезде на ярмарку нельзя было пить чай из этой воды...», — говорится о гастрономическом дискомфорте торговавшего на ярмарке купечества [там же]. Однако, как повествует источник, приезжие предприниматели, рассуждая согласно «русской пословице: «привыкнешь — и в аду живешь»...», вполне успешно использовали эту воду в быту: готовили на ней пищу, заваривали чай и поили скотину [там же]. Представленная информация подтверждает особый ментальный склад коммерсантов, действовавших во внешней торговле со степью и Средней Азией. Эти люди легко адаптировались в экстремальных условиях и могли регулировать потребности организма в зависимости от обстоятельств, в том числе довольствоваться скудной непривычной едой и употреблять воду низкого качества [10, с. 1619–1620].

Кроме климата и природы района, деловых операций российских купцов, на продуктивность предпринимательских практик, а также моральный и физический комфорт коммерсантов влияла организация рабочего пространства как в локальной плоскости (лавка, магазин), так и в глобальном разрезе (торговые ряды, площади, ярмарочные дворы). Ярмарочный двор при Ханской ставке был возведен по приказу хана Джангера в 1843 году [6, л. 47]. Торговые помещения были сгруппированы в четыре больших корпуса, которые по форме представляли параллелограмм. Ярмарочные строения, составлявшие горизонтальные стороны этой фигуры, имели длину 184 сажени (392 м), а вертикальные — 122 сажени (260 м) [там же]. Весь ярмарочный комплекс насчитывал 236 деревянных лавок. Торговые лавки каждого из корпусов располагались в два ряда, разделенных галереями шириной 1,5 сажени (3,2 м). Сами торговые точки имели одинаковую длину и ширину в 2 сажени (4,3 м) [там же]. Хан Джангер, лично курировавший проект, направленный на увеличение объемов и развитие новых форм российско-казахской торговли в первой половине XIX в., предусмотрел ценовую дифференциацию лавок в плане оплаты за аренду коммерческой недвижимости. Верхний ценовой порог доходил до 20 руб. за место, а нижняя планка составляла 8 рублей. О ценовой политике Джангера и его потомков в отношении торговых мест начала 40-х – конца 60-х гг. XIX в. говорится: «Во всех корпусах 236 лавок, распределенных ханом на пять категорий, с платою 20, 17, 14, 10 и 8 руб., что и до сих пор остается в том же порядке» [там же].

Выше уже говорилось о том, что все торговые места имели одинаковые размеры, поэтому арендная плата за лавки формировалась в зависимости от их месторасположения. Самые дорогие лавки стоимостью 20 руб. размещались под номерами 101–118, 119–136, 219–236 и располагались «в казенных корпусах» [11, л. 23 об.]. Торговые места под номерами 20–28, 48–59, 60–71, 91–99, 138–146, 166–177, 178–189, 211–217 обходились арендатору в 17 руб. Лавки № 29–34, 39–46, 73–80, 85–90, 147–152, 157–164, 191–198, 203 стоили 14 руб. [там же]. Стоимость наиболее доступных площадей составляла от 8 до 10 руб. Небогатые или просто желавшие сэкономить средства купцы могли

воспользоваться «бюджетным» вариантом размещения товара. Помимо стационарных торговых мест на ярмарке действовали временные деревянные балаганы в количестве 18 шт., возводившиеся к началу торга. Плата за балаганы составляла «...от 5 до 10 руб. за каждый, смотря по роду и количеству товара, который будет там находиться, и по месту, балаганом занимаемому» [там же]. «Если торговцу отдается два или несколько номеров сряду, плата взимается за каждый номер соответственно разряду лавки» [там же].

Поскольку торг собирался всего два раза в году, и каждый ярмарочный период длился менее месяца, то приезжавшие в Ханскую ставку купцы старались завезти и реализовать как можно больше товара для того, чтобы полученной прибыли хватило переждать межсезонье. Поскольку стандартная площадь лавок в 17,5 м² не всегда позволяла разместить весь товар и оборудовать торговую зону, то коммерсантам приходилось решать вопрос с организацией дополнительных мест хранения имущества. Правила степной ярмарки не предусматривали систему скидок за аренду сразу нескольких помещений. «Если торговцу отдается два или несколько номеров сряду, плата взимается за каждый номер соответственно разряду лавки», — гласил невыгодный для арендаторов принцип предоставления лавок [там же]. Для того чтобы не бросать свое имущество под открытым небом и при этом не нести дополнительных финансовых издержек, коммерсанты размещали товар в кибитках из войлока, которые устанавливались рядом с корпусами, где находились арендованные ими лавки. О решении проблемы с хранением больших партий товара говорится: «Купцы, приезжающие на ярмарку с русскими и азиатскими мануфактурными произведениями, а также товарами всякого рода, располагаются в рядах лавок, складывая кипы товаров в устраиваемых ими кошечных кибитках» [6, л. 41 об.]. Однако безвозмездно такие войлочные склады разрешалось использовать только для хранения товара. В том случае, если предприниматель планировал вести торговлю из этих кибиток и таким образом получал дополнительное место реализации товара, то он уже должен был оплатить аренду согласно установленному на лавки тарифу. «С кибиток, которые ставятся против нанимаемых в корпусах лавок, собственно для склада товара сбора не производить, но если из этих складов или из кибиток под ними будет идти продажа или отпуск товаров, то и эти кибитки или вообще складские балаганы подвергать непременно акцизу в размере <...> на лавку, противу которой кибитка или склад поставлены», — гласили правила работы степного торга [11, л. 24].

Нередко малосостоятельные или просто очень экономные коммерсанты отказывались от аренды стационарных лавок и оборудовали импровизированные торговые точки, используя колесный транспорт, на котором приезжали на ярмарку. По отношению к таким местам торговли действовала схема ценообразования, аналогичная сбору с кибиток и балаганов. В том случае, если купец осуществлял с повозок куплю-продажу, его транспорт попадал в категорию коммерческого, а следовательно, налогооблагаемого объекта, но если он не приносил владельцу никакого дохода, то плата за стоянку на территории ярмарки не взималась. «За повозки, телеги, шалаши и т. п. выставляемые внутри двора такими торговцами, которые, не нанимая ни лавок, ни кибиток, или покупают, или продают между тем разные предметы, акциз взимать с каждой квадратной сажени занимаемого места от одного до двух рублей и более, смотря по предмету торга», — говорится о стоимости размещения мобильных торговых пунктов [там же].

Физическое состояние стационарных торговых объектов не соответствовало понятию об удобстве трудовой деятельности, т. к. вся расположенная на ярмарке

коммерческая недвижимость ощущала на себе влияние неблагоприятных климатических условий нижневолжских степей. «Все строения ярмарочного двора занесены сыпучим песком выше крыши, и до того ветхи, что пришли уже в совершенную негодность...», — сообщал о губительном для строений результате песчаных заносов источник [6, л. 47 об.–48]. К сожалению, в источниках не обнаружено детальное описание ущерба торговым лавкам предпринимателей, нанесенного неблагоприятными особенностями местности, но имеется пример существенного износа здания кирпичной казенной кладовой. В акте освидетельствования кладовой от 16 июня 1871 г. сказано о разрушении строительного материала, вызванном регулярными контактами с песком и влагой: «...кладовая стоит на сыром месте в ложине, образовавшейся из наносного кругом ея песку, отстоящего от кладовой на 3–6 аршин и возвышающегося от грунта на 3–4 аршина. Стены кладовой от сырости в кладовой и за кладовой местами осели, отделившись от сводов на $\frac{1}{2}$ вершка, в одном углу с правой стороны от входа в кладовую отвалился слой кирпичей примерно в два ряда с самого верхнего карниза до земли, во многих местах кирпичи, особенно там, где они клались половинками, осыпались; внутри кладовой в обеих половинах ея, пол, сделанный из кирпича, оселся, в нескольких местах в стене виднеются щели, а в других местах в потолке выпало несколько кирпичей. Вообще кладовая, время от времени, по случаю сильно влияния на нижние слои ее постоянной и особенно в начале весны сырости, приходит в таковое положение, что следует в скором времени ожидать разрушения ее...» [12, л. 2–2 об.].

Осознавая, что достаточно длительное в период работы ярмарки нахождение людей в ветхих, поврежденных природой строениях неблагоприятно сказывается на здоровье торговцев и даже представляет угрозу их жизни, ответственные лица рассматривали проект переноса торгового двора в более благоприятную местность. Министр внутренних дел империи П.А. Валуев в октябре 1867 г. направил оренбургскому генерал-губернатору Н.А. Крыжановскому письмо, в котором подчеркнул экстремальные условия трудовой повседневности российских купцов: «...ввиду всех тех затруднений и неудобств, которые испытываются торговцами при нынешнем неудовлетворительном состоянии старых строений, казалось бы необходимым ускорить, по возможности, дело о сооружении нового ярмарочного двора с таким расчетом времени, чтобы строения сии были возведены к весенней ярмарке будущего 1868 г.», — говорится о понимании руководством страны проблем организации торговли на степной ярмарке [13, л. 2]. Оренбургский чиновник Фустов, лично засвидетельствовавший ветхость строений, согласился, что разрушавшиеся торговые помещения оставлять «...в таком виде едва ли представится возможность, без крайней опасности...» [6, л. 48]. Для переноса ярмарки был выбран Ахунский хутор, где «...местность представляет возможность растительности и некоторых удобств жизни», расположенный на удалении 35 верст от Ханской ставки [там же, л. 53]. Торговый комплекс нового ярмарочного двора обошелся казне в 56 161 руб. и включал 12 отдельно стоящих деревянных корпусов, вмещавших 316 лавок [14, с. 2]. Уже в 1870 г. все было готово для приема торговцев и покупателей. Однако, судя по описанию, представленному А.Е. Алекторовым, геологические и природно-климатические особенности Ахунского хутора были практически идентичными прежнему месту ярмарки: «...Какими соображениями руководились избравшие эту местность, где нет в достаточном количестве ни воды, ни топлива, где почва гористая и самая неблагоприятная, где кроме глины нет никаких строительных материалов, где при малейшем ветре

поднимается до такой степени пыль, что в расстоянии одной сажени невозможно различать предметы» [там же, с. 3]. Неудачный выбор нового места для ярмарки лишней раз говорит о том, что профессиональная деятельность предпринимателей в условиях степной местности, где господствовал общий для региона климат, всегда была связана с морально-физическими испытаниями.

Утвержденный перечень правил нахождения коммерсантов на ярмарке в некоторой степени искажал привычный контур быта торговцев, накладывая ограничения на ряд их повседневных занятий. Питьевая вода, пусть даже очень плохого качества, была крайне дефицитным продуктом вблизи Ханской ставки. Временные колодцы ярмарочного двора с трудом обеспечивали потребность людей и животных. Засушливый климат местности, большое количество тесно сгруппированных деревянных и тканевых сооружений, нагромождение различных, в том числе легковоспламеняемых товаров, массовое скопление людей могли стать причинами возникновения пожара, а из-за проблем с водоснабжением стихия бы вышла из-под контроля, что привело бы к уничтожению всего комплекса.

В целях профилактики возгораний на территории ярмарки действовал особый регламент пожарной безопасности. Приезжим торговцам запрещалось готовить еду на рабочем месте, поэтому полноценное питание купцы могли получить только в специально предназначенных для этого заведениях. Горячий чай из самоваров также исключался из рациона купцов, пока те находились в лавках. В правилах степной ярмарки прописаны следующие ограничения на использование огня: «В ночное время внутри и вне ярмарочного двора Комитет не дозволяет в лавках и других помещениях с товарами и предметами торга иметь огонь, также разводите его вне этих помещений для приготовления пищи, самоваров и т. п. Днем соблюдаются также правила и запрещается также курение табаку днем и ночью как в лавках, так и на площадях, занятых ярмаркою. Виновые в неисполнении сего подвергаются денежному взысканию на основании ярмарочных правил» [11, л. 70].

Конечно, по сравнению с опасной дорогой на ярмарку или экстремальным климатом Казахской степи отказ от горячей пищи и чая на непродолжительное время не являлся критическим моментом в трудовых буднях коммерсантов, т. к. не наносил людям физического ущерба. Однако, имея представление о гастрономической культуре русского купечества, можно понять роль чая в повседневной жизни делового сообщества. Фельетон, опубликованный в газете «Волга» за 1864 г., сообщал о преданности купечества этому напитку: «...русский купец никогда не откажется от чаю, что это зелье для него, т. е. для купца, летом служит как прохладительное, а зимою как согревающее, а следовательно, во всякое время и составляет первую необходимость» [15]. Российские коммерсанты настолько ценили чай, что брали с собой самовары, даже отправляясь с торговыми караванами в среднеазиатские ханства [16, с. 47]. Отсюда следует, что отсутствие возможности выпить горячий чай на рабочем месте в перерывах между торговлей доставляло купцам определенные неудобства.

Несмотря на то, что в середине 60-х гг. XIX в. Россия уже полностью контролировала Казахскую степь и осуществляла успешное продвижение в Среднюю Азию, для путешествовавших по степи коммерсантов все же существовал значительный риск подвергнуться нападению разбойников, особенно если группы купцов были очень малочисленны и не имели вооруженной охраны. Комплекс мер безопасности, разработанный Ярмарочным комитетом и призванный сохранить здоровье и деньги купцов, подразумевал некоторые ограничения на перемещение людей и товаров за пределами торга

в темное время суток. В одном из пунктов инструкции сказано: «Ночью выезд с ярмарки торговцам Комитет положительно не позволяет, исключая когда торговцы следуют под прикрытием казачьей команды» [11, л. 18]. Практика предоставления вооруженных команд сопровождения в интересах купцов распространялась на все степные ярмарки второй половины XIX в. независимо от места расположения торгового пункта. «Если торговцы пожелают иметь провожатых из казаков либо из киргизских вестовых, то давать им таковых не дальше 50 верст, по усмотрению председательствующего, но не иначе как по письменному о том требованию торговцев в форме самих коротких записок», — гласили правила предоставления вооруженного эскорта для торговцев в Букеевской орде [там же, л. 68]. Аналогичный алгоритм действовал и на ярмарках Калмыцкой степи во второй половине XIX – начале XX в. И.В. Лиджиева писала о возможности коммерсантов получить охрану в пути: «По желанию торговцев могло быть организовано военное сопровождение. В этом случае они должны были подать письменное прошение...» [9, с. 432–433].

Вооруженная охрана купцов, передвигавшихся по степи, входила в разряд платных услуг, что ложилось дополнительным финансовым бременем на торговцев, не пренебрегавших своей безопасностью. «Провожатые из казаков и вестовых по таким требованиям данные содержатся уже на счет самих торговцев», — сказано о материальных обязательствах нанимателя [11, л. 68]. В исследовании И.В. Лиджиевой также говорится о финансовом вопросе организации сопровождения: «Расходы по содержанию казаков и лошадей возлагались на просителей» [9, с. 433]. Утвержденные Ярмарочным комитетом правила безопасности регламентировали даже минимальную численность для групп людей, желавших выехать в степь. Организаторы ярмарки бдительно следили за тем, чтобы торговцы «...не ездили поодиночке или малыми партиями менее 10 человек, особенно с накупленными партиями скота, за последним имели дорогою бдительный присмотр и днем и ночью...» [11, л. 18]. В вечернее и ночное время купцам запрещался как вывоз имущества с территории ярмарочного двора, так и его ввоз. «На ночь, от вечерней до утренней зари, привозить в ярмарочный двор товары и предметы торгового оборота или вывозить оттуда ночью положительно воспрещается...», — гласило очередное ограничение [там же, л. 19]. Получается, что во второй половине XIX в. приехавший на ярмарку Букеевской орды коммерсант должен был подчиняться внутреннему распорядку, утвержденному организаторами торгового пункта. Правила пожарной и личной безопасности несколько усложняли повседневный труд торговцев, ограничивая их перемещения, заставляя тратить средства на охрану и вынуждая соблюдать определенный режим питания.

Трудовая повседневность включает в себя межличностные контакты индивидов, неизменно происходящие в процессе реализации трудовых функций. Взаимодействие субъектов деловых отношений выстраивается на уровне торговцев с покупателями, арендаторов с арендодателями, хозяев с работниками, подрядчиков с нанимателями и т. д. На ярмарке близ Ханской ставки основными деловыми партнерами российских предпринимателей являлись казахи-кочевники. Номады предлагали купцам различный скот и продукты животноводства, а взамен получали товары мануфактурного производства, такие как ткани, посуда, сельхозорудия, рабочий инструмент, а также другие изделия из дерева, фарфора, стекла и металла [17, с. 52]. Во время заключения каких-либо сделок обе стороны бдительно следили за действиями партнеров, чтобы избежать взаимного обмана, часто практикуемого многими участниками деловых отношений,

особенно в условиях ярмарочного торгога. О том, что различные махинации являются неотъемлемой частью деловых отношений в ярмарочной среде, высказался В.Л. Дедлов после посещения в конце XIX в. крупнейшей в империи Нижегородской ярмарки. «На ярмарке всякий скажет вам, что кроме нескольких, очень немногочисленных, известных наперечет фирм, никому нельзя верить на слово», — поделился впечатлениями от увиденного на торге В.Л. Дедлов [18, с. 582]. Ярмарка в Букеевской орде не была исключением, поэтому Ярмарочный комитет старался следить за тем, чтобы «...киргизы при покупке и продаже не терпели от приезжих торговцев никакого стеснения и обмана, взамен того и приезжающие торговцы не имели бы ни от киргизов или от кого другого обид и помешательства в свободном отправлении своих дел» [11, л. 19].

Проблема обмана населения Внутренней орды российским купечеством была наиболее актуальна в первой половине XIX в., когда торговцы-офени начали активно осваивать степные пространства. Исследователь К.В. Джумагалиева писала о сложившейся в тот период ситуации: «...русские купцы не всегда были честны в отношении казахов. Передвигаясь свободно по территории орды, они обменивали товары низкого качества на скот и скотоводческое сырье, часто обманывали казахов, пользуясь их невежеством и неграмотностью» [3, с. 48]. Посетивший ярмарку при Ханской ставке в 1866 г. оренбургский чиновник Фустов подтвердил наличие девиантных схем обогащения в деятельности мелочных торговцев, промышлявших за пределами официально утвержденных торговых пунктов. Современник писал, что вне ярмарок казахи нередко приобретали «...дрянные товары от разъезжающих по Орде торгашей, с обманом в мере и весе» [6, л. 63 об.]. О низком качестве изделий, отправлявшихся из России в Казахскую степь и далее в Среднюю Азию, упоминал А.Е. Алекторов. Современник в вопросительной форме возмущался нечестным поведением российских купцов: «Спрашивается: на что нужна азиатцу лопата, которая хуже всякой дрянной скрябки, которая ломается с первого же раза, лишь ковырнешь ею землю? На что ему нужно листовое железо, которое не гнется, а ломается?» [19, с. 125].

Несмотря на то, что внутригородская магазинная торговля во второй половине XIX в. представлялась самой передовой формой оптово-розничного торгога, ярмарки все же являлись более цивилизованной коммерческой площадкой, нежели разъездная торговля в степи. Учреждение ярмарки в Букеевской орде заставило российских торговцев пересмотреть отношение к потребителям, отказавшись от мошеннических подходов при заключении сделок. Ярмарочный формат, изменившийся в лучшую сторону отношения российских торговцев и кочевников-покупателей, вместе с тем послужил удобной основой для нарушения деловой этики уже со стороны казахов, занимавшихся продажей скота. Осознав, что торговля на ярмарке ведется под контролем специальной структуры, имеющей полномочия решить деловые споры, некоторые скотоводы сами обращались к обману покупателей-россиян для получения дополнительной прибыли. Обманная схема, на которую жаловались отечественные коммерсанты, выглядела следующим образом: казах, «...продавши какую-нибудь скотину, лошадь, быка и т. п., посылает какого-нибудь своего приятеля объявить, что де у него, т. е. просителя, пропала или украдена такая-то скотина, и описывает подробно приметы, которые конечно знает, потом отправляется к покупателю и тащит его к начальству: начинается разбор, и у торговца отнимается за этими хлопотами два, три дня, а иногда и самая скотина», — сказано в периодике 60-х гг. XIX века [8].

Защита интересов казахов, незнакомых с привозными изделиями, а следовательно, не имевших представления об их качестве, а также мало что понимавших в коммерции, была одной из важнейших функций степных ярмарок. Постепенное приобщение номадов к торговле на ярмарках поставило их в несколько более выгодное положение по сравнению с российскими коммерсантами. Казахи в полной мере осознали ценность своего товара, будь то скот, мясомолочная продукция, а также кожа или шерсть, и рассмотрели неподдельный интерес приезжих к продуктам степи, вследствие чего уже не торопились сбывать их по удобной для купцов из России цене. Оренбургский чиновник Фустов писал об увиденном в конце 60-х гг. XIX в.: «Лично убедился я на ярмарке, что киргизы очень хорошо знают цену товарам и упорно торгуются...» [6, л. 62 об.]. Нередко случалось, что в деловом «состоянии» между купцом и казахом за наиболее выгодные условия сделки победителем оставался кочевник. Приобретая на ярмарке интересующие их предметы, казахи начинали активно торговаться, особенно в том случае, если доход от продажи скота в силу различных обстоятельств оказывался ниже ожидаемого, что существенно ограничивало их платежеспособность. Понимая, что кочевник не уступит в торге, а купцу в случае своего упорства придется везти нераспроданные вещи обратно, российские коммерсанты были вынуждены отпускать товар по минимальной цене. «Киргиз, меньше выручив за скотину, старается купить дешевле и нужные ему товары, и от этого произошло то, что товары продавали без всякого барыша, чтобы только не везти его обратно», — свидетельствовал о наличии деловой хватки у казахов источник [8].

Конечно же, торговля на степной ярмарке не была убыточной для российских предпринимателей, т. к. в противном случае они бы полностью утратили интерес к этому виду коммерции, тем более что поездка в Орду была связана с изрядным моральным и физическим напряжением. Приобретая у казахов разнообразный скот, предприимчивые торговцы придумали, как извлечь дополнительную прибыль от покупки верблюдов. Где-то с середины XIX в. распространенным явлением в Букеевской орде стала массовая закупка верблюдов, но не для использования в качестве вьючных животных, а для отправки на убой. В погоне за прибылью расчетливые дельцы старались максимально продуктивно использовать тушу верблюда, продавая по отдельности мясо, шкуру и жир. Действуя по этой схеме, российские коммерсанты выручали с каждого животного сумму, на 20% и даже 35% превышавшую их расходы на приобретение у казахов одного живого верблюда. В рапорте чиновника Фустова значилось: «...в последнее время промышленники нашли выгодным покупать верблюдов на убой по 30–35 руб., получая таким образом до 10 пудов сала, шкуру и мясо, выручается более 45 рублей» [6, л. 54 об.]. Ежегодное приобретение скотопромышленниками из России большого количества вьючных животных представляло серьезную угрозу для популяции верблюдов не только в Букеевской орде, но и во всей Казахской степи. «Если будет развиваться эта промышленность, способствующая истреблению полезнейшего в степном хозяйстве животного, то казалось бы нужным предпринять некоторые меры к ограничению сбыта верблюдов известным процентом приплода», — писал о целесообразности контроля за объемом продаваемых на убой верблюдов оренбургский чиновник [там же]. В середине 60-х гг. XIX в. хозяйство кочевников Внутренней орды насчитывало свыше 70 000 верблюдов. В работе советского историка М.К. Рожковой содержится материал, подтверждающий существование риска критического снижения поголовья верблюдов в этот период. «Один из торговцев как-то заметил, что верблюды, вероятно, скоро переведутся, и караваны будут ходить на волах,

запряженных в арбы», — говорится о резком снижении численности выючных животных [20, с. 76]. Российский военный деятель М.А. Терентьев писал о проблемах с логистикой во время Ахал-текинской экспедиции 1880–1881 гг. в контексте сокращения популяции верблюдов: «...верблюдов уже почти не существовало, а железная дорога доведена только на 64 версты от моря» [21, с. 81].

Завершая исследование, можно отметить, что действовавшая со второй трети XIX в. во Внутренней орде ярмарка усовершенствовала механизм деловой коммуникации российских купцов и кочевников. Фиксация торгового места в строго обозначенном месте, предоставление специализированных торговых точек, регламентация пребывания в ярмарочной среде и надзор за рабочим процессом, конечно, внесли некоторые элементы стабильности и комфорта в трудовую повседневность предпринимателей, но прежде всего эти пункты улучшили положение местного населения при сделках с купцами. Суровый степной климат, а также особенности почвы и рельефа местности существенно усложняли реализацию трудовых функций предпринимателей. Кроме этого, на ярмарке близ Ханской ставки действовали строгие внутренние правила, подразумевавшие запрет для купцов на передвижение поодиночке за пределами ярмарочного двора, ограничение на перемещение товаров в ночное время и недопущение использования огня в жилых и торговых строениях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алпыспаева, Г.А.* Ярмарочная торговля в Акмолинской области Степного края во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т. 25. № 185. С. 239–248.
2. *Белоусов, С.С.* Роль торгово-ремесленного населения в создании стационарных поселений на землях казахов Внутренней киргизской орды Астраханской губернии. XIX в. // *Oriental Studies*. 2019. Т. 12. № 4 (44). С. 634–644.
3. *Джумагалиева, К.В.* Развитие торговли в Букеевской орде // Казахи в евразийском пространстве: история, культура и социокультурные процессы: сборник научных трудов по материалам II Международной научно-практической конференции. Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2019. С. 47–50.
4. *Керейбаева, А.С.* Ярмарочная торговля купечества Степного края второй половины XIX – начала XX века / А.С. Керейбаева, А.М. Мамырбеков, Т.П. Левченко, М.Т. Зиядин // *Былые годы*. 2019. Т. 3. № 53. С. 1201–1210.
5. Внутренняя киргизская орда (краткий статистический очерк). Астрахань: Тип. Губернского правления, 1891. 100 с.
6. Объединенный государственный архив Оренбургской области. Ф. 6. Оп. 17. Д. 113.
7. *Пурецкий, Б.Д.* Казачка. М.: Охрана материнства и младенчества, 1928. 45 с.
8. О ханской ярмарке в киргизской орде // *Волга*. 1864. № 42. 23 сентября.
9. *Лиджиева, И.В.* Ярмарочная торговля в кочевом обществе (на примере Калмыцкой степи второй половины XIX – начала XX века) // *Научный диалог*. 2022. Т. 11. № 10. С. 429–444.
10. *Абдрахманов, К.А.* Купечество Российской империи в торговле со Средней Азией: культурно-антропологический аспект // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10. № 5. С. 1607–1624.
11. Объединенный государственный архив Оренбургской области. Ф. 6. Оп. 17. Д. 57.
12. Объединенный государственный архив Оренбургской области. Ф. 6. Оп. 17. Д. 177.

13. Объединенный государственный архив Оренбургской области. Ф. 6. Оп. 17. Д. 142.
14. *Алекторов, А.Е.* Очерки Внутренней киргизской орды (окончание) // Известия Оренбургского отдела Императорского русского географического общества. Вып. 3. 1894. С. 1–32.
15. *Михно, А.* Сытые либералы // Волга. 1864. № 27. 30 мая.
16. *Небольсин, П.И.* Очерки торговли России со Средней Азией // Записки Императорского русского географического общества. Кн. X. СПб.: Типографии Императорской Академии наук, 1855. 445 с.
17. Обзор Акмолинской области за 1894 год. Омск: Тип. Акмолинского областного правления, 1896. 121 с.
18. *Дедлов, В.Л.* Вокруг России: Польша — Бессарабия — Крым — Урал — Финляндия — Нижний: портреты и пейзажи. СПб.: Изд-во М.М. Ледерле, 1895. 587 с.
19. *Алекторов, А.Е.* История Оренбургской губернии. Оренбург: Тип. Б. Бреслина, 1883. 128 с.
20. *Рожкова, М.К.* Экономические связи России со Средней Азией: 40–60-е гг. XIX в. М.: Академия наук СССР, 1963. 238 с.
21. *Терентьев, М.А.* История завоевания Средней Азии: в 3 т. Т. 3. СПб.: Типолит. В.В. Комарова, 1906. 526 с.

REFERENCES

1. *Alpyspaeva, G.A.* Yarmarochnaya trgovlya v Akmolinskoj oblasti Stepnogo kraja vo vtoroj polovine XIX — nachale XX veka [Fair Trade in Akmol Region of the Steppe Territory in the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries], *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* = Tambov University Review. Series: Humanities, 2020, vol. 25, No. 185, pp. 239–248. (in Russ.)
2. *Belousov, S.S.* Rol torgovo-remeslennogo naseleniya v sozdanii stacionarnyh poselenij na zemlyah kazahov Vnutrennej kirgizskoj ordy Astrahanskoj gubernii. XIX v. [The Inner Kirghiz Horde of Astrakhan Governorate: The Impact of Trades and Crafts People on the Establishment of Stationary Settlements in Kazakh-Inhabited Lands. 19th Century], *Oriental Studies*, 2019, vol. 12, No. 4 (44), pp. 634–644. (in Russ.)
3. *Dzhumagalieva, K.V.* Razvitie trgovli v Bukeevskoj orde [The Development of Trade in the Bukey Horde]. In: *Kazahi v evrazijskom prostranstve: istoriya, kultura i sociokulturnye processy* [Kazakhs in the Eurasian Space: History, Culture and Socio-Cultural Processes: Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference]. Omsk, Omskij gosudarstvennyj universitet im. F.M. Dostoevskogo, 2019, pp. 47–50. (in Russ.)
4. *Kereibaeva, A.S., Mamyrbekov, A.M., Levchenko, T.P., Ziyadin, M.T.* Yarmarochnaya trgovlya kupechestva Stepnogo kraja vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka [Fair Trade of the Merchantry of the Steppe Region of the Second Half of the 19th Century and Beginning of the 20th Century], *Bylye gody* = Past Years, 2019, vol. 3, No. 53, pp. 1201–1210. (in Russ.)
5. *Vnutrennyaya kirgizskaya orda (kratkij statisticheskij ocherk)* [Inner Kirghiz Horde (A Brief Statistical Essay)]. Astrakhan, Tipografiya Gubernskogo pravleniya, 1891, 100 p. (in Russ.)
6. *Obedinennyj gosudarstvennyj arhiv Orenburgskoj oblasti* [United State Archive of Orenburg Oblast], fund 6, inventory 17, file 113. (in Russ.)
7. *Pureckij, B.D.* *Kazachka* [Cossack Woman]. Moscow, Ohrana materinstva i mladenchestva, 1928, 45 p. (in Russ.)
8. O hanskoy yarmarke v kirgizskoj orde [About the Khan Fair in the Kirghiz Horde], *Volga* = Volga, 1864, No. 42, September 23. (in Russ.)

9. Lidzhieva, I.V. Yarmarochnaya trgovlya v kochevom obshchestve (na primere Kalmyckoj stepi второй половины XIX – начала XX века) [Fair Trade in a Nomadic Society (In Kalmyk Steppe in Second Half of 19th – Early 20th Centuries)], *Nauchnyj dialog* = Scientific Dialogue, 2022, vol. 11, No. 10, pp. 429–444. (in Russ.)
10. Abdrahmanov, K.A. Kupechestvo Rossijskoj imperii v torgovle so Srednej Aziej: kulturno-antropologicheskij aspekt [Merchants of the Russian Empire Trading with Central Asia: Cultural-Anthropological Aspects], *Quaestio Rossica*, 2022, vol. 10, No. 5, pp. 1607–1624. (in Russ.)
11. *Obedinennyj gosudarstvennyj arhiv Orenburgskoj oblasti* [United State Archive of Orenburg Oblast], fund 6, inventory 17, file 57. (in Russ.)
12. *Obedinennyj gosudarstvennyj arhiv Orenburgskoj oblasti* [United State Archive of Orenburg Oblast], fund 6, inventory 17, file 177. (in Russ.)
13. *Obedinennyj gosudarstvennyj arhiv Orenburgskoj oblasti* [United State Archive of Orenburg Oblast], fund 6, inventory 17, file 142. (in Russ.)
14. Alektorov, A.E. Oчерки Vnutrennej kirgizskoj ordy (okonchanie) [Essays on the Inner Kyrgyz Horde (Conclusion)]. In: *Izvestiya Orenburgskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva* [Proceedings of the Orenburg Department of the Imperial Russian Geographical Society, iss. 3]. 1894, pp. 1–32. (in Russ.)
15. Mihno, A. Sytye liberaly [Well-Fed Liberals], *Volga* = Volga, 1864, No. 27, May 30. (in Russ.)
16. Nebolsin, P.I. Oчерки torgovli Rossii so Srednej Aziej [Essays on Russia's Trade with Central Asia]. In: *Zapiski Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva. Kn. X* [Notes of the Imperial Russian Geographical Society, Book X]. St. Petersburg, Tipografii Imperatorskoj Akademii nauk, 1855, 445 p. (in Russ.)
17. *Obzor Akmolinskoj oblasti za 1894 god* [Overview of the Akmola Region for 1894]. Omsk, Tipografiya Akmolinskogo oblastnogo pravleniya, 1896, 121 p. (in Russ.)
18. Dedlov, V.L. *Vokrug Rossii: Polsha — Bessarabiya — Krym — Ural — Finlyandiya — Nizhnij: portrety i pejzazhi* [Around Russia: Poland — Bessarabia — Crimea — Ural — Finland — Nizhny: Portraits and Landscapes]. St. Petersburg, Izdatelstvo M.M. Lederle, 1895, 587 p. (in Russ.)
19. Alektorov, A.E. *Istoriya Orenburgskoj gubernii* [History of the Orenburg Governorate]. Orenburg, Tipografiya B. Breslina, 1883, 128 p. (in Russ.)
20. Rozhkova, M.K. *Ekonomicheskie svyazi Rossii so Srednej Aziej: 40–60-e gg. XIX v.* [Economic Relations of Russia with Central Asia: 40–60s of the 19th Century]. Moscow, Akademiya nauk SSSR, 1963, 238 p. (in Russ.)
21. Terentev, M.A. *Istoriya zavoevaniya Srednej Azii: v 3 t. T. 3* [History of the Conquest of Central Asia, vol. 3]. St. Petersburg, Tipolitografiya V.V. Komarova, 1906, 526 p. (in Russ.)

Абдрахманов Константин Алексеевич, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории России, Оренбургский государственный педагогический университет, kostya.abdrakhmanov@mail.ru

Konstantin A. Abdrakhmanov, PhD in History, Associate Professor, History of Russia Department, Orenburg State Pedagogical University, kostya.abdrakhmanov@mail.ru

Статья поступила в редакцию 16.12.2024. Принята к публикации 26.01.2024

The paper was submitted 16.12.2023. Accepted for publication 26.01.2024